

И.И. КАЛИГАНОВ

**ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ НА РУСИ**

Говоря о южнославянском средневековом влиянии на Русь, прежде всего нужно определить границы самого понятия "влияние". В него можно включать воздействие одной страны на другую в разных областях культуры: архитектуре, иконографии, музыке, фольклоре, языке, палеографии, художественном оформлении рукописей, литературе и т.д. Все эти разнообразные сферы культурных воздействий,

разумеется, не являются предметом нашего рассмотрения. В докладе речь пойдет об историко-литературных проблемах южнославянского влияния на Руси. При этом посредническая функция болгарской и сербской книжности в передаче неславянских литературных произведений нами не учитывается. Во внимание принимаются лишь те оригинальные памятники Болгарии и Сербии, которые нашли отражение в русской рукописной традиции и частично использовались русскими книжниками при создании собственных сочинений. Такой подход представляется нам целесообразным, поскольку при затушевывании границ между оригинальной и переводной (неславянской) литературой¹ уточнить объем литературного воздействия одной страны на другую очень сложно. Это запутывает суть дела, хотя ясность здесь желательна полная. Смещение акцента с вопроса "что проникло?" на проблему "каким образом проникло?" уводит исследователя от главного. Ведь, устанавливая факт творческого использования древнерусским книжником какого-либо византийского памятника, ученый должен говорить о воздействии литературы Византии на русскую независимо от того, что данное византийское произведение могло попасть на Русь в болгарском или сербском переводе.

Концентрация нашего внимания на оригинальных произведениях болгар, русских и сербов как бы сама собой очерчивает круг вопросов, на которые надо ответить. Когда и как зародились самобытные литературы в Болгарии, Сербии и на Руси? С какого времени начинается воздействие литератур южных славян на русскую? Какова периодизация этого воздействия и какие формы оно принимало? Мы постараемся дать на них ответы, но ввиду небольшого объема доклада они будут изложены в тезисном порядке.

Первый вопрос неотделим от проблемы появления у болгар, русских и сербов развитой системы письма и прохождения этими народами стадии ученичества. Он принуждает нас также коснуться некоторых обстоятельств миссии солунских братьев Кирилла и Мефодия в Великую Моравию, потому что именно там впервые возникли ростки самобытной литературы на славянском языке. Но вначале следует пояснить, что мы понимаем под стадией ученичества. Это своеобразный "долитературный" период, в продолжение которого мораване, болгары, русские и сербы овладевают навыками чтения и письма, знакомятся с каноническими книгами, необходимыми для богослужения, соприкасаются с литературными произведениями других народов и вплотную приближаются к тому моменту, когда в процессе усвоения чужого опыта рождается потребность в написании собственных литературных сочинений. Ученики перешагивают незримый порог и сами становятся творцами, не переставая при этом почитать творения своих учителей. С этого времени, собственно, и начинается самобытная литература того или иного славянского народа.

Появление у мораван, болгар, русских и сербов развитой системы письма и зарождение самобытной литературы оказались связанными с принятием христианства², но в каждой стране эти процессы

протскали по-своему. В Великой Моравии период ученичества завершился сравнительно быстро по нескольким причинам.

1. Во главе византийских миссионеров, отправленных в эту страну по просьбе моравского князя Ростислава в 863 г., стояли одаренные филологи — солунские братья Кирилл и Мефодий. Они в совершенстве владели славянским и греческим языками и являлись литературно образованными людьми. Последнее, видимо, было характерно и для некоторых их помощников.

2. Славянская азбука (вероятнее всего, глаголица) была создана Кириллом для моравян заблаговременно в процессе подготовки к предстоящей миссии. Тогда же он осуществил и перевод части обязательных для богослужения книг.

3. Солунские братья не являлись первопроходцами в деле распространения христианства и борьбы с язычеством в Великой Моравии. Еще до их прихода в эту страну там действовало латино-немецкое духовенство, усиленно насаждавшее новое вероучение.

4. Кирилл и Мефодий еще до моравской миссии были сформировавшимися книжниками, успешными проявить себя на литературном поприще. Им принадлежали такие произведения, как "Молитва Григорию Богослову", "Слово на перенесение мощей Климента Римского" и др. Они подавали пример творческой работы своим ученикам в Моравии и Паннонии. Очевидно, там Мефодий написал свой канон Димитрию Солунскому, а после смерти Кирилла (869 г.) в результате совместных усилий Мефодия и его помощников было создано пространное житие славянского первоучителя.

Благодаря стечению этих обстоятельств период ученичества продолжался в Великой Моравии всего 10—20 лет. Тем не менее самобытные моравские литературные ростки не получили своего дальнейшего развития. Они не превратились в литературу в полном смысле этого слова — литературу с развитой системой жанров, традициями, разнообразной тематикой и богатством идей. Этому помешали неблагоприятные факторы, приведшие к провалу моравскую миссию:

1) географическая удаленность Великой Моравии от своего политического союзника Византии и отсутствие с ней смежных границ³;

2) препятствия, чинимые Кириллу и Мефодию латинско-немецким духовенством;

3) отсутствие среди византийских миссионеров духовного лица высокого ранга, обладавшего правом рукополагать моравских учеников в священники⁴;

4) безвременная смерть Кирилла;

5) изменение религиозно-политической ориентации Великой Моравии после захвата власти князем Святополком, занимавшим проримскую позицию.

Иная историческая ситуация сложилась в Болгарии. Очень интересным, на наш взгляд, является наблюдение Д.С. Лихачева, что болгарская литература сразу же достигла зрелости⁵. Эта мысль, однако, нуждается в пояснении. Она верна в том смысле, что первые болгарские оригинальные памятники обладали большими литературными достоинствами. Но ее нельзя трактовать как констатацию воз-

никновения зрелой литературы на голом месте. Болгарские книжники также не избежали периода ученичества. Как известно, после санкционирования христианства в 865 г. князем Борисом I в стране в качестве богослужебного начал использоваться греческий язык. В болгарские земли прибыли многочисленные византийские миссионеры, составившие на первых порах корпус священнослужителей новообращенного христианского народа. Греческий язык широко использовался в Болгарии около трех десятков лет, а точнее — до знаменитого Преславского собора (893 г.), который возвел в ранг церковного и государственного язык славянский. За этот период многие болгары прекрасно овладели греческим. Некоторые из них, наиболее талантливые и одаренные из числа послушников и церковных служек, посылались в Константинополь и византийские монастыри для получения богословского образования.

В целом по сравнению с Великой Моравией в Болгарии существовали лучшие условия для зарождения и дальнейшего развития самобытной литературы.

1. Болгарское государство граничило с Византией, и это облегчало культурные контакты между двумя странами, способствовало их интенсивности.

2. В продолжение почти трех десятилетий греческий язык в Болгарии стал языком-посредником и делал доступными для болгарских книжников сокровища богатейшей византийской литературы. И впоследствии знание греческого языка было неизменной чертой большинства крупнейших писателей болгарского средневековья.

3. В отличие от Великой Моравии в Болгарии не велась политическая борьба против распространения христианства в его восточновизантийском варианте.

4. Еще в дохристианский период в Болгарии появилась прослойка населения, приобщенного к новой вере. Она увеличивалась по мере отторжения византийских территорий болгарскими ханами Крумом (803—814), Омуртагом (814—831), Маламиром (831—836), Пресианом (836—852) и Борисом (852—889). На завоеванных ими землях жило немало людей, начавших добровольно исповедовать христианство без каких-либо организованных миссионерских акций со стороны Византии. На этих территориях находилось и значительное число христианских храмов, построенных еще в IV—VIII вв.

5. Государственная власть в Болгарии в конце IX — первой трети X в. характеризовалась стабильностью и последовательностью в насаждении христианства в его восточновизантийском варианте. Редкие исключения составляли попытки возврата к языческим верованиям в годы кратковременного правления болгарского князя Владимира-Расате (889—893)⁶ и дипломатическое заигрывание Бориса I с Римом для достижения церковной независимости от Константинополя и учреждения в стране собственной архиепископии (870 г.)⁷.

6. Переход от греческого к славянскому богослужебному языку осуществился сравнительно быстро благодаря деятельности учеников солунских братьев, бежавших из Великой Моравии после смерти Мефодия (885 г.) и неудачи византийской религиозно-политической

миссии. Обретя надежное пристанище в болгарских землях, они за небольшой срок (886—893 г.) сумели восстановить и размножить частично утраченные кирилло-мефодиевские переводы Священного писания, а также обучить значительное число болгар славянской грамоте.

7. Среди учеников солунских братьев имелись весьма одаренные в литературном отношении личности, которые выросли в творцов именно в конце IX — начале X в.: Климент Охридский, Константин Преславский, Наум Охридский и др. До 893 г. они успели пройти стадию ученичества в Великой Моравии и созрели для создания самобытных произведений. Другие, возможно, были готовы к этому и раньше, но занимались оказанием помощи Кириллу и Мефодию при переводах Священного писания и переписывании богослужебных книг.

Таким образом, быстрому зарождению и развитию оригинальной литературы в Болгарии предшествовал период ученичества. Он продолжался около 30—40 лет. Надо думать, что в первые годы своего пребывания на болгарской земле ученики Кирилла и Мефодия не занимались созданием собственных произведений, а обучали болгар славянской грамоте и восстанавливали частично утраченные кирилло-мефодиевские переводы. Видимо, некоторая заминка произошла и в связи с заменой глаголицы более привычным для болгар греческим унциальным алфавитом, который они пытались использовать еще в донисьменский период. Эта замена, скорее всего, произошла на Преславском соборе в 893 г. и вызвала необходимость в транслитерации уже подготовленных глаголических книг.

Зарождение и формирование древнесербской литературы осложнялось рядом исторических обстоятельств. Они являются доказательством того, что введение одного лишь христианства не обязательно должно привести к быстрому возникновению оригинальной литературы. По свидетельству исторических источников, христианизация сербов произошла, по-видимому, в 867—874 гг.⁸. Однако этого было недостаточно для появления самобытной сербской литературы. Ее быстрому возникновению помешали:

1) феодально-племенная раздробленность и княжеские усобицы. В IX — начале X в. Сербия находилась на раннем этапе политической и этнической консолидации, еще не достигшей степени, достаточной для создания сербского централизованного государства. Славянские племена, из части которых впоследствии сформировалась древнесербская народность, в то время образовывали ряд княжеств под различными названиями: Дукля, Травуния, Захумье, Пагания, Сербское княжество и Конавли, вошедшее затем в Травунию. Сербские князья Прибеслав, Петр, Бранк, Клонимир, Павел и Чеслав вели между собой многолетнюю борьбу, вызывавшую политическую нестабильность и отрицательно сказывавшуюся на развитии культурной жизни;

2) отсутствие сербской церковной автокефалии. После крещения и распространения христианства в его восточновизантийском варианте славянские племена, составившие в дальнейшем ядро древне-

сербской народности, не обладали собственной церковной независимостью и добились ее спустя значительное время;

3) последовательный захват сербских земель политическими противниками. На протяжении X — начала XI в. Болгария, а затем и Византия овладели значительной частью территорий, на которых тогда обитали сербские племена. Занята ими была и внутренняя Сербия (Рашка);

4) переносы политических и культурных центров в результате болгарской и византийской экспансии. Занятие внутренней Сербии войсками противника повлекло за собой смещение политических и культурных центров к Адриатическому побережью, в Дуклю (Зету). В 30—40-годы XI в. средоточием сербской культурной жизни становится г. Бар — религиозная столица Барской архиепископии;

5) непостоянство в использовании какого-то одного богослужебного языка и системы письма в IX—XI вв. Следует думать, что в продолжение указанного периода в зависимости от превратностей истории, изменения политических границ на Балканах и регионов своего обитания сербы попеременно использовали в качестве богослужебного греческий, латинский и славянский языки, прибегая к глаголице, латыни и кириллице.

В результате перечисленных обстоятельств зарождение оригинальной литературы в Сербии отчасти походит на появление первых литературных ростков в Великой Моравии. Вслед за возникновением первого памятника оригинальной сербской литературы (по нашему мнению, им было житие Владимира Зетского, созданное в первой половине XI в., а не гипотетическая "хроника сербских князей", согласно точке зрения Г. Острогорского) не последовал сразу поток других литературных произведений — самобытное литературное начало было продолжено лишь в начале XIII столетия после формирования мощного сербского централизованного государства.

В иных условиях протекало зарождение самобытной древнерусской литературы. Оно предвлялось введением на Руси христианства князем Владимиром в 988 г., утверждением славянского языка в качестве богослужебного и восприятием развитой системы письменности от болгар. Киевская Русь по сравнению с Великой Моравией и Болгарией находилась в менее выигрышном положении. Это объяснимо рядом причин, среди которых можно выделить главные.

1. Киевская Русь располагалась вдали от Константинополя — главного духовно-религиозного центра Византийской империи. Столицы двух государств разделяло несколько тысяч километров, что затрудняло культурные связи между двумя государствами. С введением нового вероисповедания русская земля фактически превратилась в северо-восточную ойкумену европейского христианского мира.

2. Греческий язык в Киевской Руси знало весьма ограниченное число людей. Он не стал языком-посредником среди ее населения даже на короткий срок. В результате первого и второго обстоятельств возможности быстрого ознакомления русских книжников с византийскими памятниками светского и полусветского содержания были крайне ограниченными.

3. Материальная база и организационная структура для отправления христианских ритуалов в Киевской Руси к 988 г. отсутствовали почти полностью. Не были построены здания церквей, не сформировались приходы, не налажено производство пергамена, необходимого для создания корпуса богослужебных книг, не имелось церковной утвари, икон и всего того, что наличествовало в Болгарии к 893 г. (материально-организационное строительство института церкви у болгар до Преславского собора в основных своих чертах уже успело приобрести известную завершенность).

4. Прослойка людей, исповедовавших христианство до официальной на него санкции, была намного меньше, чем в сопредельном Византии болгарском государстве. Прецеденты крещения княгини Ольги, видимо, некоторых купцов и других русских людей до введения нового вероисповедания все-таки были единичными, а не массовыми.

5. Великокняжеская власть в Киевской Руси к 988 г. не достигла той степени концентрации, как в Болгарии при введении богослужения на славянском языке в 893 г.

6. Даже если разделить точку зрения некоторых ученых, предполагающих активную роль болгарских проповедников в приобщении Киевской Руси к славянской письменности сразу же после 988 г., нельзя не заметить, что среди них не было литературных талантов ранга Кирилла, Мефодия, Климента Охридского, Константина Преславского и других писателей, стоявших у истоков зарождения оригинальных литератур в Великой Моравии и Болгарии. Во всяком случае, ни одного имени болгарского книжника, творившего в Киевской Руси на рубеже X—XI столетий или одними-двумя веками позднее, славистам не известно.

Итак, условия для быстрого прохождения стадии ученичества и формирования самобытной литературы в Киевской Руси выглядят не особенно благоприятными. К перечисленным замедляющим факторам можно добавить и другие. В конце X столетия древнерусское государство по численности населения (приблизительно 5 млн чел) и по территории (около 1,5—1,8 млн кв. м)¹⁰ в несколько раз превосходило Великую Моравию и Болгарию ко времени введения там христианства. В нем имелось около 25 городов, не уступавших по своей величине тогдашним западноевропейским: Киев, Новгород, Псков, Ладога, Ростов, Полоцк, Муром и др.¹¹ Однако подавляющее большинство русских людей жили не в городах, а в деревнях, как правило не связанных с остальным миром проезжими дорогами. Если исходить из расчета, что в период средневековья средний церковный приход насчитывал пятьсот человек¹², то для приобщения всего населения Киевской Руси к христианству следовало построить свыше 9000 церквей и часовен. В свою очередь, каждый церковный приход нуждался минимум в восьми богослужебных книгах¹³, и это создавало потребность более чем в 72000 рукописях. Решить подобные задачи в кратчайшие сроки без предварительной подготовки было бы нелегко даже при наличии огромной армии строителей, мастеровых по выделке пергамена, переписчиков книг, миссионеров и священнослужителей.

лей. По этой причине христианизация русских земель без преувеличения растянулась на века. Судя по данным археологии, в X — первой половине XII столетия сельское население Древней Руси продолжало целиком оставаться языческим¹⁴.

После введения христианства церкви первоначально возводились только в крупнейших древнерусских городах, и на протяжении X — первых десятилетий XI в. их насчитывалось не более одного-двух десятков¹⁵. Надо полагать, что именно в них и появились первые русские рукописные книги. В соответствии с предписаниями для культовых отправлений требовался вполне определенный состав богослужебной книжности: евангелие-апракос, апостол-апракос, триодь постная, триодь цветная, минея общая, псалтырь следованная, служебник и требник. По всей вероятности, на первоначальном этапе строительства русской церковной жизни этими книгами и исчерпывался репертуар чтения древнерусского книжника. В то время переписчики едва ли осмелились бы переписывать на свой страх и риск какие-либо иные книги без специального на то поручения. Пергамен, краски и переплеты были недешевы, настоящий читатель еще не родился, корпорация писцов, работающих на свободный рынок, как таковая еще не сложилась. В силу этих обстоятельств говорить об активном переписывании тогда на Руси каких-либо светских или полусветских книг будет преувеличением.

Такое заявление может показаться "еретическим", поскольку в науке утвердилось мнение об активной деятельности болгарских миссионеров на Руси сразу же после введения там христианства. Считается, что они привезли с собой множество славянских книг, и не только богослужебных, но и светского и полусветского характера. Это мнение столь часто повторялось в научных статьях и монографиях, что постепенно стало восприниматься как некая непреложная истина. Между тем конкретные доказательства в его пользу не приводятся и по степени своей аргументированности оно мало чем отличается от умозрительного суждения историка русской церкви Макария Булгакова, писавшего в середине XIX в.: "Откуда, если не из Болгарии, могли быть принесены к нам вначале славянские богослужебные книги, и притом в том количестве, в каком требовалось? Откуда могли прийти первые пастыри, которые способны были преподавать нашему народу христианские истины на понятном ему языке, — первые учителя, которые начали учить русских славянской грамоте и письму?..."¹⁶.

Очевидно, проблема переноса болгарских литературных памятников на русскую почву является более сложной, чем кажется на первый взгляд. Для ее решения в первую очередь следует рассмотреть вопрос о том, каким образом болгарские книжники могли оказаться в Киевской Руси. В медиевистике по этому поводу допускается несколько версий.

А. Часть болгарской знати и болгарских книжников бежали на Русь еще в 70-е годы X в. в связи с неудавшимся походом князя Святослава на Балканы и последующей военной экспансией Византии, захватившей Восточную Болгарию¹⁷.

В Болгарские книжники начали перебираться на Русь во время дальнейшего завоевания Болгарии, предпринятого византийским императором Василием II Болгаробойцей с 1001 по 1018 гг.

В Киевская Русь обратилась к Болгарии с просьбой прислать болгарских миссионеров в помощь византийским духовным лицам.

Каждая из этих версий становится крайне уязвимой при анализе конкретных исторических фактов. Болгарские книжники едва ли могли покинуть свою родину и уйти с отрядами Святослава в языческую Русь. Они имели представление о крутом норове русского князя, посадившего на кол после взятия Филиппополя (Пловдива) двадцать тысяч его жителей¹⁸. Кроме того, военно-политический союз Святослава с болгарскими к моменту его ухода из страны был разорван¹⁹. Если они и струнулись с насиженных мест, то двинулись не на Русь, а в Северную Болгарию, куда еще не ступила нога неприятеля. Последнее произошло в 1001 г., когда император Василий II Болгаробойца овладел болгарскими дунайскими крепостями. По наблюдению В. Мошина, тем самым был вбит клин между Киевской Русью и Болгарией, препятствовавший прямым контактам двух государств²⁰. Надо полагать, что и тогда болгарские книжники отправились не на Русь, а в Западную Болгарию, продолжавшую вести с Византией отчаянную борьбу, исход которой оставался неясным. Сопротивление Западной Болгарии было окончательно сломлено в 1018 г. В эти годы миграция болгарских книжников в Киевскую Русь также едва ли могла иметь место. И не только потому, что неприятель отрезал к ней путь, но и по причине ее военного союза с Византией: в состав византийских войск входили русские отряды²¹.

Проблему миграции следует перевести и в другую плоскость рассмотрения, задавшись вопросом: а происходила ли она в действительности? Ведь из исторических документов известно, что в первые годы после завоевания Болгарии византийцами привилегии болгарского духовенства (а именно оно составляло костяк книжно-образованных людей) нисколько не урезались, а, наоборот, заметно возрастали. Этот глубоко продуманный ход Византии легко объясним ее стремлением сделать болгарское духовенство опорой своей власти во вновь завоеванных землях²².

Маловероятной является и третья версия. После введения христианства Киевская Русь не обладала достаточным церковно-юридическим статусом, чтобы самостоятельно обращаться к Болгарии с просьбой о присылке миссионеров. Она могла сделать это только через посредничество Византии, чье духовенство направляло процесс христианизации русского населения. Константинополь, естественно, самым острым образом отреагировал бы на любую попытку князя Владимира вступить без ведома византийцев в контакты с церковниками Болгарии — страны, чей патриарший статус они столь упорно отказывались признать, при первой возможности понизив его в "табели о рангах" до архиепископства²³. К тому же Византия в тот период находилась в состоянии перманентной войны со своим северным соседом, твердо укрепившись в намерении сломить его до конца.

Более вероятно, что византийское духовенство, на которое была возложена задача христианизации Киевской Руси, для преодоления языкового барьера и приобщения русского населения к основам христианской догматики предприняло следующие шаги:

а) после тщательной фильтрации отобрало небольшое число болгарских священнослужителей из недавно покоренных восточноболгарских земель и переправило их на Русь;

б) послало будущих русских священнослужителей для обучения в Константинополь и византийские монастыри, обеспечив им учителей из все той же Болгарии.

Надо полагать, что славянские книги, предназначавшиеся для обучения русских учеников на рубеже IX—XI вв., подвергались строгой византийской цензуре с целью исключения из них "вредоносных" еретических сочинений. Кроме того, их содержание первоначально, видимо, не выходило за рамки уже упоминавшихся восьми богослужебных книг. Другое было излишним и не входило в намерения византийских миссионеров. Они не ставили себе задачей в сжатые сроки поднять уровень духовно-религиозного сознания своей русской паствы. В их памяти свежим был пример Болгарии, которая, быстро добившись церковной автономии, вновь превратилась в воинственного соседа Византии.

Таким образом, проникновение в Киевскую Русь болгарских книг, менее связанных с практикой богослужения, относится к более позднему времени, нежели рубеж X—XI столетий. Таковыми являлись две их разновидности: четы-сборники и книги для "келийного" чтения. В число первых входили многочисленные поучения отцов церкви, златоустники, толковые псалтыри, служебные минеи, патерики и т.п. Вторую разновидность составляли исторические палеи, хронографы, измарагды, золотые цепи и др. Необходимость в таких книгах росла по мере роста любознательности древнерусского книжника и развития в Киевской Руси монастырской жизни. Первые монастыри начали строиться у нас еще с конца X в. в Киеве, Новгороде²⁴, а затем и в других древнерусских городах. Однако их облик существенно разнится от наших сегодняшних представлений о "среднем" монастыре. Тогда они еще не успели превратиться в истинных феодалов: не обзавелись земельными угодьями и смердами, каменными постройками и стенами, богатыми библиотеками и помещениями для многочисленных монашеских келий. Это были скромные церквушки, обнесенные тыном, с небольшими деревянными постройками внутри, в которых жило от трех до пяти монахов. Порядок монастырской жизни еще не регламентировался уставами — сводами предписаний, предусматривавшими наличие у братии четы-сборников. В первые десятилетия существования русских монастырей количество находящихся в них книг едва ли превышало обязательную цифру богослужебных, а литература светского или полусветского характера у монахов полностью отсутствовала.

Коренные сдвиги в церковно-религиозной жизни Киевской Руси наблюдаются с 30-х годов XI столетия. В культурной истории

Русского государства произошли важные события: учреждение митрополии (1037 г.), начало строительства киевского кафедрального собора св. Софии²⁵, создание первой русской библиотеки. Эти события во многом обязаны политической и культурной инициативе князя Ярослава Мудрого, способствовавшего также и организации киевского переводческого центра. Летописцы сообщают, что Ярослав "собра писце многы и прекладаше от грек на словенское писмо, и списаша книги многы"²⁶. Очевидно, среди переводчиков, кроме живших славянских язык византийцев, были и выходцы из болгарских земель. Здесь тогда все начинает хорошо увязываться. Известно, что после смерти болгарского архиепископа Иоанна Дебрского (1037 г.) его престол занял византиец Лев Пафлагонский, предпринявший массовую замену греками высшего и даже низшего болгарского духовенства вплоть до священников и иподьяконов²⁷. Именно с конца 30-х годов поток болгарских книжников стихийно (или искусственно направляемый византийскими церковными иерархами) устремляется на Русь. На этот раз, уходя навсегда в далекие русские земли, болгарские книжники берут с собой не только богослужебные книги, но и четьи-сборники и сборники для "келейного" чтения. Обилие такой литературы, которая все шире стала использоваться в русской монастырской практике, вызвало в середине XI в. принятие Студийского типика — первого монастырского устава²⁸.

Приведенные данные, выстроенные нами в определенной последовательности, в известной мере объясняют сравнительно долгий период ученичества у русских книжников. По подсчетам некоторых исследователей, он продолжался 50—70 лет²⁹.

Количество привезенных на Русь болгарским духовенством четьи-сборников и книг для "келейного" чтения, видимо, было немалым, но в их составе преобладали славянские переводы византийских памятников. Сам тип первых самобытных литературных произведений на Руси — таких, как гипотетическая "Киевская летопись 1037—1039 гг.", "Повесть временных лет", "Чтение о Борисе и Глебе" и др., — подсказывает мысль о том, что образцами для них служили сочинения не болгарских, а византийских и западнославянских авторов. "Повесть временных лет" представляет собой летописный свод, какие в Болгарии не создавались, а "Чтение о Борисе и Глебе" по своему характеру является "мученической агиографией". В литературе Первого Болгарского царства мученичества, т.е. жития мучеников, не обнаруживаются.

В целом картина проникновения оригинальных сочинений южных славян в древнерусскую рукописную традицию оказывается более сложной, чем это принято считать. В медиевистике преобладает мнение, что будто чуть ли не все произведения болгар и сербов сразу же после своего создания становились известными в Киевской Руси, не говоря уже о памятниках, принадлежавших перу болгарских писателей IX — начала X в. Проникновение последних стереотипно воспринимается едва ли не как некий одноразовый акт, свершившийся в конце X — начале XI столетий. В действитель-

ности все, видимо, обстояло иначе. Если исходить из конкретных данных, а не умозрительных гипотез, то получится, что значительная часть сочинений южных славян попала на русскую почву гораздо позже своего появления на свет. Асинхронность между созданием древнеславянских литературных памятников и их проникновением в инославянскую среду объясняется не только хронологическими различиями в возникновении болгарской, русской и сербской литератур и медленными темпами распространения средневековой рукописной книги³⁰. Она вызывалась также различием памятников по своему статусу и зависела от наличия или отсутствия "режима благоприятствования". Трудно допустить, что такие сочинения, как житие Иоанна Рильского, служба царю Петру и другие болгарские агиографические и гимнографические памятники, прославляющие местных подвижников, могли появиться в Киевской Руси в X—XIII вв. Этому бы несомненно воспротивилась церковная цензура византийцев, отказывавшая южным славянам в праве канонизировать собственных угодников. Тот факт, что произведения болгар и сербов подобного рода не встречаются в русских рукописях XI—XIII вв.³¹, по-видимому, не случаен. Исключение составили только имена славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, которые хотя и не были официально возведены в ранг святых тогдашней греческой церковью³², но могли считаться "своими" византийскими подвижниками.

О характере проникновения самобытных южнославянских памятников в русскую литературу XI—XVII вв. дает представление составленная нами таблица. В ней фиксируется время и место их создания, автор (если произведение приписывается ему, то оно сопровождается вопросительным знаком), отмечаются время появления данных памятников на Руси и все установленные случаи его использования древнерусскими книжниками при написании собственных сочинений. Здесь также приводятся сведения о русских списках южнославянских произведений и их распределении по векам. Что показывает такая таблица? Она дает несколько неожиданные результаты и заставляет задуматься над правомерностью ряда положений, которые превратились в стереотипы мышления большинства славистов-медиевистов. К сожалению, за недостатком места здесь нет возможности привести всю нашу таблицу целиком. Поэтому выберем из нее примеры, иллюстрирующие бытование на Руси самобытных произведений, созданных крупнейшими писателями славянского юга IX—X вв. — Климентом Охридским, Иоанном Экзархом и Константином Преславским.

Первый из них являлся одним из самых плодотворных писателей раннего славянского средневековья. Ему принадлежит свыше восьмидесяти поучительных слов и наставлений. Кроме того, наряду с другими книжниками он принимал участие в составлении Пространного жития Кирилла³³. Из всех Климентовых слов и наставлений в русской рукописной традиции XI—XIII вв. зафиксировано только 17, причем большая часть уцелевших списков тяготеет к концу этого периода. Почти 3/4 слов Климента Охридского обнаруживается в русских рукописях, датируемых XIV—XVII столетиями, в

основном в сборниках XVI—XVII вв. К этому же времени относятся и большинство первых русских обработок произведений упомянутого книжника.

Пространное житие Кирилла известно в 39 русских списках³⁴, из которых самый старший — конца XV в. Тем не менее житие славянского первоучителя было хорошо знакомо книжникам Киевской Руси значительно раньше. Имя Кирилла встречается в первой русской датированной рукописи — Остромировом евангелии 1056—1057 гг., Архангельском евангелии 1092 г. и других наших манускриптах XII—XIII вв. Житие знал автор "Повести временных лет", летописец Нестор. Отрывок из памятника с пророчеством Соломона о Христе читается и в одной из русских рукописей XIII в. — в сборнике толкований из Ветхого и Нового завета.

Иоанн Экзарх зарекомендовал себя в истории древнеславянской книжности главным образом как переводчик и создатель слов и поучений, автор оригинальных предисловий к переводному "Шестодневу" — сборнику сочинений раннехристианских писателей и "Небесам" Иоанна Дамаскина. Из восьми приписываемых этому книжнику поучений в русских рукописях XI—XIII столетия встречается только одно — "Слово на Вознесение" в знаменитом Успенском сборнике XII—XIII вв. Остальные семь поучений распределяются по векам следующим образом: "Похвала кресту" — XIV в., "Слово на Преображение" — XV в., а другие пять слов — XVI—XVII вв.

Древнейший русский список "Шестоднева" датируется 1414 г. Остальные (а их насчитывается более шестидесяти) были созданы в XVI—XVIII столетиях. Экзарховский перевод "Небес" с оригинальным предисловием известен у нас по древнейшему русскому списку конца XII — начала XIII в. Остальные русские списки относятся к XV—XVII вв.

Константин Преславский вошел в историю древнеславянской книжности в качестве создателя "Учительного евангелия", автора "Прогласа к Евангелию" и "Азбучной Молитвы". Древнейшие русские списки первых двух произведений относятся ко второй половине XII в. В русской рукописной традиции XIII столетия они не обнаруживаются — их переписывание ведется в основном тремя-четырьмя веками позднее. "Проглас к Евангелию" Константина Преславского известен лишь в одном русском списке — он помещен в сборнике "Златая цепь" XVI в. из собрания Троице-Сергиевой лавры.

Конечно, судить о времени проникновения южнославянских литературных памятников в русскую литературу XII—XVII вв. только по уцелевшим русским спискам было бы неверно. Многие ранние русские списки оригинальных сочинений южных славян до нас не дошли. Так, например, знакомство с переводом "Шестоднева" Иоанна Экзарха прослеживается в "Поучении" Владимира Мономаха (XII в.) и "Слове о погибеле русской земли" (XIII в.), хотя, как уже отмечалось, старейший из уцелевших списков перевода Экзарха датируется XV в. Однако нельзя впадать и в другую крайность, чрезмерно апеллируя к слабой сохранности русского рукописного

фонда XI—XIII вв. по причине частых пожаров, монголо-татарских погромов и гибели рукописей из-за обветшания. Русская рукописная традиция все-таки была довольно живучей и донесла до нас почти все то, что пришло к нам со славянского юга в эпоху раннего средневековья. К тому же при анализе болгаро-русско-сербских средневековых связей и литературного влияния на нас южных славян в первую очередь нужно говорить не просто о присутствии в русской рукописной традиции того или иного оригинального болгарского или сербского произведения, а о том, когда и как он оказал воздействие на древнерусских книжников в процессе написания ими собственных сочинений.

Составленная нами таблица, разумеется, не является окончательной. Она отражает научный уровень, достигнутый славистами в изучении болгаро-русско-сербских литературных связей. Со временем в нее будут вноситься известные коррективы. Тем не менее такая таблица позволяет сделать ряд предварительных выводов о периодизации, хронологии и особенностях влияния на древнерусскую литературу книжности славянского юга.

1. Периодизация средневековых литературных связей не совпадает с периодизацией развития отдельных взятых славянских литератур. Ряд литературных памятников, созданных в Болгарии и Сербии в IX—XIV столетиях, мог попасть на русскую почву гораздо позднее — в XV, XVI и даже XVII вв. По этой причине традиционное деление южнославянского влияния на первое и второе приобретает проблематичность.

2. Из таблицы видно, что в русской рукописной традиции XI—XIV вв. до сих пор не зафиксировано ни одного русского списка самобытных сербских литературных памятников, равно как и следов влияния таковых на творчество древнерусских книжников того времени. Это обстоятельство ставит под сомнение целесообразность употребления утвердившегося научного клише "первое южнославянское влияние". Со славянского юга в литературу Киевской Руси, очевидно, вливались только самобытные литературные сочинения болгар, но не сербов. Поэтому применительно к данному периоду следует говорить о болгарском, а не южнославянском влиянии.

3. По нашим наблюдениям, пики южнославянского литературного влияния на Русь — болгарского в XI—XIV столетиях и болгаро-сербского в XV—XVII вв., если судить о них по степени использования древнерусскими писателями самобытных произведений южных славян, не совпадают с пиками развития собственных литератур болгар и сербов. Здесь почти всегда имеет место хронологическая сдвинутость от полувека до полутора столетий.

4. Само понятие "пик влияния" в данном случае вмещает в себя исключительно количественные характеристики. Качественные характеристики при взаимодействии оригинальных литератур Болгарии, Сербии и Руси применяться не могут. Их употреблению противоречит неизменный континуитет и повторяемость одинаковых приемов "заимствования—воздействия" с одинаковым знаком на всем протяжении славянского литературного средневековья. За новое "качество" здесь

ошибочно принимаются лишь новые комбинации количественных характеристик. Но от перестановки слагаемых в общем итоге сумма не изменяется.

⁷ В литературоведческой медиевистике незаметно стали превращаться в аксиомы следующие положения: четкие границы между письменностью и литературой отсутствуют; нельзя провести границу между оригинальной и переводной литературой; границы между отдельными славянскими литературами православного региона в эпоху средневековья были размыты. Подобное "безграничье" ведет к исследовательскому туннелю. Установить границы между данными явлениями и понятиями, действительно, порой нелегко. Однако это не означает, что ученые должны отказываться от продвижения в этом направлении. В науке индуктивный метод всегда прекрасно дополнялся дедуктивным, синтез сочетался с анализом, обобщение с конкретизацией. Проникновение в суть явления обычно сопряжено с необходимостью выделить и отграничить его от других сходных явлений, даже имеющих с ним "пограничные зоны".

⁸ Но этого не следует выводить некую историческую закономерность. В Армении, например, христианство было введено в 303 г., а письменность на армянском языке появилась около века спустя. См.: *Абебян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 53.

⁹ Кроме того, в первые годы кирилло-мефодиевской миссии Великая Моравия была отрезана от Византии враждебной Болгарией, заключившей союз с Восточно-франкским королевством. См.: *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 25; *Гюзелев В.* Князь Борис първи. С., 1969. С. 65—74.

¹⁰ См.: *Бернштейн С.Б.* Константин-Философ и Мефодий. М., 1984. С. 94.

¹¹ См.: *Лихачев Д.С.* Размышли за национално своеобразие и европейско значение на старобългарската литература // *Литературна мисъл.* С., 1970. Кн. 2. С. 73—85. *Он же:* Развитие русской литературы X—XVII вв., Л., 1973. С. 35—39.

¹² См.: *Златарски В.* Избрани произведения. С., 1972. Т. 1. С. 352—353.

¹³ См.: *Гюзелев В.* Указ. соч. С. 209—256.

¹⁴ См.: *Наумов Е.П.* Формирование этнического самосознания древнесербской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 188.

¹⁵ См.: Сабрана дела Георгија Острогорског. Београд, 1970. Кн. 4. С. 79—86.

¹⁶ См.: *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941. С. 84, 86.

¹⁷ См.: *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956. С. 15.

¹⁸ См.: *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI—XIII вв. Л., 1978. С. 58.

¹⁹ См.: Там же. С. 77, 79.

²⁰ См.: *Седов В.В.* Распространение христианства в Древней Руси: (По археологическим материалам) // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы: Сб. тез. М., 1987. С. 40.

²¹ По данным летописей, на Руси в это время были построены церкви св. Василия, Богородицы (Десятинная) и Георгия Победоносца в Киеве, Преображения в Васильеве и Берестье, Рождества Богородицы в Суздале, Успения Богородицы в Ростове и др.

²² *Макарий [Буагаков].* История русской церкви. СПб., 1857. Т. 1. С. 72.

²³ См.: *Жуковская Л.П.* Изборник 1073 г. Судьбы книги, состояние и задачи изучения // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 12.

²⁴ См.: *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. С., 1971. Т. 1, ч. 2. С. 573.

²⁵ *Мутафчиев П.* История на българския народ (681—1323). С., 1986. С. 220; *Саларов А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 170, 182.

²⁶ См.: *Мошин В.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV веков // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX. С. 53—54.

²⁷ См.: *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. 1, ч. 2. С. 725.

²⁸ См.: *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1961. С. 351—352.

²⁹ См.: *Николов Й.* Православната църква през епохата на феодализма (IX—XIV в.) // Православие в България. С., 1974. С. 105—106.

³⁰ В первые десятилетия после введения христианства монастырей на Руси возво-

- дилось значительно меньше, чем церквей, — считанные единицы. См.: Монастыри Российской империи / Сост. В. В. Зверинским. СПб., 1887.
- ²⁵ См.: Повесть временных лет: Текст и перевод. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 102—103.
- ²⁶ Там же. С. 103.
- ²⁷ См.: *Литаурин Г. Г.* Указ. соч. С. 367—368.
- ²⁸ См.: *Мансветов И. Д.* Церковный устав. СПб., 1885.
- ²⁹ См.: *Сапунов Б. В.* Указ. соч. С. 208.
- ³⁰ *Калиганов И. И.* Некоторые черты литературного общения болгар, русских и сербов в эпоху средневековья // Литературные связи. Литературный процесс. М., 1986. С. 197—198.
- ³¹ См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI—XIII вв.). М., 1984.
- ³² В греческом богослужении имена Кирилла и Мефодия появились только в XX в. См.: Кирил патриарх Български. Как бе отпразнувана 1000 годишнината от смъртта на св. Методий // Константин-Кирил Философ. С., 1971. С. 53.
- ³³ Это подтверждено путем обработки текста памятника на ЭВМ. См.: *Романкова Н. В.* Формально-количественные методы и проблемы атрибуций нарративных источников по истории южных славян IX—XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- ³⁴ См.: *Рогов А. И.* Великая Моравия в письменности Древней Руси // Великая Моравия. М., 1985. С. 277—288.